

• •

•
•

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1349>]

[:]

. . . 2006: :
// . :
. . . / . . , . . (. .). , 3-11. :

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

І. Методология. Историография. Источниковедение

В.В. Дементьева

Римская Республика: институциональная история и семиология

Магистральные линии обсуждения сущности и специфики Римской Республики в последние двадцать лет шли несколькими руслами. Назовем некоторые из них, имеющие прямое отношение к названию статьи. Наиболее раннее, появившееся во французской историографии, имеет истоки еще в середине 70-х гг. XX в., но стало полноводным только с середины 80-х гг. – «грамматика римской политики», управленческие символы, семиология.

Второе направление дискуссия по поводу концепции Ф. Миллара о «римской демократии»¹ Оно имело свою логику развития, но, в конце концов, две названные линии пересеклись на проблеме «символического капитала», «ритуализованной политики» и «политической культуры».

Третье направление критика теоретических построений Теодора Моммзена, его системы римского государственного права. Оно послужило основным стимулом для исследований в рамках «институциональной истории».

Четвертое направление анализ «социологии господства» Макса Вебера. Социологические школы оказали влияние на ис-

следования как собственно римских институтов, так и социальных основ политической жизни *civitas*.

Названные потоки научной мысли сливались, расходились разными рукавами, имели общий «бассейн». В результате обсуждения теории Т. Моммзена исследователи перешли от анализа его «системы» к анализу отдельных «структур». Всплеск институциональной истории пришелся на 90-е гг. и продлился от начала и до конца последнего десятилетия XX века².

Институты стали рассматриваться как органы регулирования социального взаимодействия – это осуществлялось на базе системного анализа социологии, философской антропологии и правоведения. Институты часто понимались как организованные социальные структуры, что, на наш взгляд, вполне естественно. Но это понятие трактовалось и гораздо шире, оказавшись в итоге очень размытым. Оно стало включать в себя столь различные объекты, как нормативные поведенческие структуры, организованные объединения (корпорации) и даже идеальную объективацию социально-политических реалий. Сложно, например, принять такое определение: «Институты есть посреднические инстанции культурной продукции сознания», приведенное в статье Герхарда Гёлера и Рудольфа Шпета³. Но вполне можно признать справедливым следующее утверждение данных авторов: «Институты направляют в определенное русло человеческую деятельность, они ограничивают находящийся в распоряжении людей выбор действий».

Уточнение категории «институт» проводится в научной литературе на основе следующих понятий: «генезис», «изменение», «кризис»⁴, то есть по существу на основе фаз развития любого института.

В историографии рассматривались условия и модальность процесса институционализации; изучались формы институциональной идентичности, а также отношения социальных ролей: «должность» и «индивидуум», «институциональность» и «персональность», «институт» и «харизма» и т.д.

В рамках институциональной истории написаны серьезные труды по Римской Республике – монографии Эндрю Линтотта⁵, Роберты Стюарт⁶, Кори Бреннана⁷. К. Бреннан монографию по-

святил конкретному институту (претуре), Э. Линтотт и Р. Стюарт – государственному устройству в целом. У Э. Линтотта институциональный подход более выдержан, а у Р. Стюарт институты уже рассматриваются шире – на пересечении с ритуальной практикой (например, персональный и гентильный элементы, значение триумфа). В ряду работ по истории институтов следует назвать также очень содержательный сборник «Государство и государственность ранней Римской Республики»⁸ (особенно интересны в нем статьи Адальберто Джованнини «Магистратура и народ» и Карла-Йоахима Хелькескампа «Сенат и плебейский трибунал в начале III в. до н.э.»), девятый том Кембриджской античной истории⁹, исследования Бернхарда Линке¹⁰, Клауса Брингманна¹¹, Мари Терез Фёген¹². В частности, Б. Линке анализировал процесс развития римской общины от родственных связей к государству и возникновение политических форм, уделял внимание проблеме *patres* и ранним магистратам. М.Т. Фёген рассматривает возникновение Республики как «естественную необходимость», как развитие организма из внутренних ресурсов, отталкиваясь от моммзеновской традиции в романистике.

В самых последних работах проблема истории институтов, публичности, публичной жизни также рассматривается весьма пристально, но термин «институт» используется уже в широком значении. Примером является издание, посвященное сенату и римской политической элите¹³. Сенаторы изучаются в нем как часть публичной жизни Рима, на пересечении с проблемой исследования «политической культуры». В частности, рассмотрению подвергаются дома сенаторов в Риме, а именно общественные и политические функции жилых домов сенаторов. Как элемент публичной жизни анализируется и жречество.

Специально следует остановиться на работе, которая вызывает у читателя очень много вопросов, подчас недоуменных. Это монография Кая Сандберга «Магистраты и народные собрания. Изучение законодательной практики в республиканском Риме», изданная в 2001 г. в серии трудов финляндского института романистики¹⁴. Она написана на стыке институциональной истории и дискуссии по работам Ф. Миллара. Автор задается вопросом, – какие магистраты руководили законодательным собранием?

Исходный пункт его анализа – тезис, что институциональные механизмы Республики рассматриваются в историографии обычно слишком статически. Механизмы поздней Республики переносятся на другие эпохи, тогда как в ранней Республике действовали специфические механизмы. Следует согласиться с этим утверждением К. Сандберга в принципиальном плане, но не с конкретными положениями его труда.

К. Сандберг констатирует, что в период после законов Лициния-Секстия до преобразований Суллы (367-88 гг.) курульные магистраты чрезвычайно редко в источниках определенно названы в качестве руководителей законодательных народных собраний. Из этого он постулирует, что в таковой роли часто были плебейские трибуны. Магистраты же руководили законодательными комициями только тогда, когда требовалось согласие народа на объявление войны.

Центуриатные комиции в трактовке К. Сандберга до конца эпохи сословной борьбы собирались только для выборов (как электоральные) и принятия решений об объявлении войны. Раннее гражданское законодательство до конца сословной борьбы проводилось, на его взгляд, через куриатные комиции, а не через центуриатные. После уравнивания сословий эта функция была передана *concilium plebis*, и плебейские трибуны с этого времени имели решающие позиции для внесения законов. Должны были, по мысли К. Сандберга, высшие магистраты стремиться нарушить монополию законодательной инициативы плебейских трибунов. И на исходе II в. до н.э. увеличившееся число конфликтов между сенатской аристократией и плебейскими трибунами привело к тому, что роли сменились. С этого времени курульные магистраты предлагали большинство законов.

Затем, – развивает свою концепцию К. Сандберг, – последовала реформа Суллы, по которой право проводить законодательные собрания было сосредоточено у магистратов. А в дальнейшем, когда опять плебейские трибуны были восстановлены в своих правах, конкуренция между магистратами и трибунами была конституционно закреплена.

Нечеткости в работе К. Сандберга отмечает в рецензии на нее Б. Линке¹⁵, который делает вывод, что К. Сандберг односторонне

постулирует значение *comitia curiata* для законодательства ранней Республики, хотя об этих комициях для данного времени в источниках вряд ли что можно узнать. Позднее, замечает Б. Линке, после того, как плебеи в 471 г. до н.э. стали проводить собрания по трибам, исчезли эти старые единицы из политической повседневности. Источники не дают также оснований говорить, что в конце II в. до н.э. современники что-то знали и писали о конфликтном присвоении высшими магистратами законодательных полномочий, как это утверждает К. Сандберг.

Логически процесс изучения римской республиканской общины двигался в направлении: от институтов (структур) к понятиям и категориям¹⁶, а далее – от «понятий» к «концептам». Здесь и произошло тематическое пересечение с изучением «римской политической грамматики» в русле семиологии (семиотики) как науки, исследующей свойства знаков и знаковых систем, в том числе и такого ее раздела, как семантика.

Особенно повлияли на концептуальные построения по римской истории понятия «символический капитал» и «символическая власть», что отражено в работе Герхарда Гёлера и Рудольфа Шпета «Символическая власть. К институционально-теоретическому значению Пьера Бурдьё»¹⁷ Авторы отмечают, что Пьер Бурдьё писал не собственно об институтах, у него речь не идет в непосредственном смысле об институциональной теории¹⁸ Но у него ставится вопрос о том, как социальное структурировано. П. Бурдьё распространял экономическое понятие «капитала» на социальную и культурную сферу. Имеется, на его взгляд, не только экономическая размерность капитала, как ее постулирует марксизм, но и другие его различные роды. П. Бурдьё осмысливал принцип действия такого «капитала», прежде всего, как «символического капитала» – через данные семиотики. П. Бурдьё исходил из того, что имеются три основных размерности капитала: «объем капитала», «структура капитала» и «развитие капитала во времени»¹⁹ Общий же (целостный) объем капитала включает в себя экономический, культурный и социальный капитал.

П. Бурдьё разработал также теорию социального «поля», которое, по его мнению, структурировано через внешний облик, габитус (*habitus* – внешность, облик, образ, состояние, и т.п.) и

стиль жизни. Дифференциация и иерархизация общества в его теории основывается на «символической власти». Господствующие символы конституируют и легитимизируют общественные отношения власти; о символическом, прежде всего, идет социальная борьба.

П. Бурдьё рассматривал институты в качестве элементов, выполняющих важнейшую структурирующую функцию. Власть осуществляется в обществе не только через единичные персоны и не только через структурирование социальной жизни вообще, но прежде всего через институты с их действующими лицами²⁰ Поэтому власть, согласно взглядам последователей теории П. Бурдьё, есть центральная категория для определения принципа действия институтов. У политических институтов, деятельность которых детерминируется действующими лицами намного сильнее, чем социальных институтов, эта связь особенно бросается в глаза. Власть – это связь между институтами и осуществляющими ее персонами, она не только выполняется, она признается.

В немецкой историографии развернулась дискуссия о различии между властью переходной (транзитивной) и непереходной (интранзитивной). Ханна Арендт противопоставляет немецкие понятия *Macht* (сила, мощь, власть, влияние) и *Gewalt* (власть, сила, могущество). *Macht* в ее трактовке – это, взаимные речи и действия людей. *Macht* возникает между людьми, когда они действуют, она соответствует человеческим способностям не только вообще что-либо делать, но и действовать во взаимном согласии.

Gewalt, напротив, в ее объяснении есть противоположное понятие к *Macht*, она предназначена для инструментального стратегического проведения в жизнь намерений одних против воли других. Такое понимание термина *Gewalt* соответствует понятию *Macht* у Макса Вебера, по которому последний термин – это власть в значении возможности осуществлять собственную волю вопреки сопротивлению других. Получается, что то, что для М. Вебера *Macht*, для Х. Арендт – *Gewalt*²¹

Власть в смысле проведения воли понимается как транзитивная (переходная), власть в смысле взаимных речей и действий – интранзитивна (непереходна). Однако соотношение между тран-

зитивной и нетранзитивной властью подчас можно установить лишь с очень большим трудом.

Концепт «символической власти» П. Бурдьё описывает власть не как чистое принуждение, но и не по модели одобрения (согласия). Его модель принимает среднее положение между консенсусом и принуждением, причем одобрение не является осознанным, принимаемым по доброй воле, оно описывается им скорее как «фатальное отношение»²² Понятие власти у П. Бурдьё изображается – в институционально-теоретическом толковании – в качестве колебаний между транзитивной и интранзитивной властью. Акцентирование центральных понятий (поле, структура, габитус, символическая власть, капитал и др.) осуществляется П. Бурдьё для обозначения теоретических рамок, чтобы определить понятие власти как осциллирующей между транзитивностью и интранзитивностью.

П. Бурдьё исходил из того, что все институты представляются как действия и результаты предшествующей борьбы и что вся борьба должна быть представлена как две оппонирующие стратегии: стратегия консервативная (сохранительная) и стратегия разрушительная.

П. Бурдьё занимался в последние годы жизни (он умер в 2002 году) разработкой теории социального поля. Он показал наличие различных полей: правового (юридического), академического, спортивного, эстетического и политического как имеющих собственную логику действия. Одновременно он полагал, что эти поля представляют собой автономные ценностные сферы и особый порядок жизни. Он выступал против теории М. Вебера о картине мира²³; поле в его понимании есть прежде всего «силовое поле», ансамбль объективных соотношений сил²⁴

Памяти П. Бурдьё посвятил свою книгу Эгон Флаиг «Ритуализованная политика. Знаки, жесты и господство в древнем Риме»²⁵, ранее также обращавшийся к данной теме²⁶ Э. Флаиг подчеркивает связь своего исследования с работами Клода Николе, Христиана Майера, Поля Вейна, Жана-Мишеля Давида, которые усматривали знаковый характер коммуникаций в римском обществе, изучали политические жесты и управленческие символы в нем. В конце 80-х гг. XX в., констатирует Э. Флаиг, в исследова-

ниях медиевистов и специалистов по раннему новому времени подобная проблематика начала активно обсуждаться. Однако древняя история вне франкоязычного пространства была обойдена таким вниманием. К тому же возникли и серьезные методолого-методические проблемы, – чем больше историков занимались этой тематикой, тем дальше расходились они друг от друга в теоретической базе и методах исследования. «Этикетками» данного ракурса изучения стали история менталитета, микроистория, культурная история, историческая антропология – это разнообразие привело к существенному различию методов, стал особенно отчетлив разноразличий смысловых наполнений как категориального аппарата, так и отражаемых им реалий.

В начале XXI века проблематика «ритуализованной политики» стала, таким образом, актуальной уже для всего европейского антиковедения. Издание монографии Э. Флаига означало следующий этап в развитии логики историографических штудий: от отдельных «концептов» П. Бурдьё и его последователей к изучению «римской политической культуры» в целом. Но эта проблематика должна быть предметом отдельного рассмотрения.

Примечания

¹ Millar F. *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor: Michigan UP, 1998; *Idem*. *The Roman Republic in political Thought*. Hannover and London, 2002.

² См., например: *Institutionen und Geschichte. Theoretische Aspekte und mittelalterliche Befunde*. Hrsg. von Gert Melville. Köln, Weimar, Wien, 1992; *Institutionen und Ereignis*. Hrsg. von Reinhard Blänkner und Bernhard Jussen. Göttingen, 1998.

³ Göhler G., Speth R. *Symbolische Macht. Zur institutionentheoretischen Bedeutung von Pierre Bourdieu // Institutionen und Ereignis. Über historische Praktiken und Vorstellungen gesellschaftlichen Ordens*. Göttingen, 1998. S. 17-48

⁴ *Ibid.* S. 23.

⁵ Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford., 1999.

⁶ Stewart R. *Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice*. The University of Michigan Press, 2000.

⁷ Brennan C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. 1-2. Oxford, 2000.

⁸ *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik*. Stuttgart, 1990.

⁹ Cloud D. *The Constitution and Public Criminal Law // CAN*. Vol. IX. Cambridge, 1994. P. 491-530.

¹⁰ Linke B. *Von der Verwandtschaft zum Stadt. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte*. Stuttgart, 1995.

¹¹ *Bringmann K.* Geschichte der römischen Republik. Von den Anfängen bis Augustus. München, 2002.

¹² *Fögen M. Th.* Römische Rechtsgeschichte über Ursprung und Evolution eines sozialen Systems. Göttingen, 2003.

¹³ *Senatus populi Romani.* Realität und mediale Präsentation einer Führungsschicht. Stuttgart, 2005.

¹⁴ *Sandberg K.* Magistrates and Assemblies. A Study of Legislative Practice in Republican Rome. Rom (Institutum Romanum Finlandiae), 2001.

¹⁵ *Linke B. Kaj Sandberg.* Magistrates and Assemblies. A Study of Legislative Practice in Republican Rome. Rom (Institutum Romanum Finlandiae), 2001. 2001 (Acta Instituti Romani Finlandiae 24) V, 213 S // *Klio.* 2004. Bd. 86. Heft 2. S. 484-485.

¹⁶ См. об этом: *Дементьева В.В.* Понятие «конституция римского государства» в категориальном аппарате современной романистики. *IVS ANTIQVVM. Древнее право.* 2004. №2 (14) С. 92-115

¹⁷ *Göhler G., Speth R.* Op. cit.

¹⁸ Ibid. S. 17.

¹⁹ Ibid. S. 23.

²⁰ Ibid. S. 12.

²¹ Ibid. S. 20.

²² Ibid. S. 22.

²³ Ibid. S. 25.

²⁴ Ibid. S. 26.

²⁵ *Flaig E.* Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003.

²⁶ *Idem.* War die römische Volksversammlung ein Entscheidungsorgan? // *Institutionen und Ereignis...* S. 49-74.

О.В. Трофимова

Новые исследования о гугенотах в изгнании

Французские гугеноты с момента своего появления были объектом внимания общества, религиозных и государственных структур¹ Они создали собственную историографию с присущими ей чертами апологии трудолюбия, терпимости, мужественного преодоления трудностей, упорства в достижении целей во имя благополучия семьи, общины, Отечества. Гугеноты как особый феномен европейской культурно-религиозной жизни, а также активной предпринимательской, финансовой, хозяйственной деятельности в XVI – XIX вв. продолжают интересовать исследова-